

DOI: 10.31857/S086919080018420-9

РАСКОПКИ ЗАПАДНОГО ЗАГОРОДНОГО КОМПЛЕКСА
БОЛЬШОГО КЫРК-КЫЗА В 2021 ГОДУ

© 2022

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ ^a, Т.О. ДВУРЕЧЕНСКАЯ ^b^{a, b} – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

^b – ORCID: 0000-0002-7757-9589; tasydvur@mail.ru

Резюме: В ходе работ 2021 г. на Западном загородном комплексе (ЗЗК) Большого Кырк-Кыза исследовались помещения I и северный двор. В помещении II были разобраны более поздние внутренние пристройки в его западной и южной частях. После снятия поздних пристроек стало ясно, что ширина помещения II первоначально составляла 4 м, а в его западной части существовала ниша глубиной 1,6 м и шириной 3,1 м. На первом этапе функционирования стены были покрыты глиняной обмазкой с побелкой. Немногочисленные фрагменты керамики, которые были найдены в помещении II, датируются в пределах IV–II вв. до н.э., возможно, I в. до н.э.

В 2021 г. началось исследование нового помещения III. Первоначальный раскоп был расширен на юг на 8,4 м. На отметках -207 и -202 от реперной точки был открыт пол в виде вымостки из сырцовых кирпичей (40×40×12; 42×42×12; 39×42×11–12 см). В помещениях II и III было обнаружено большое количество фрагментов штукатурки со следами полихромной живописи, из них несколько крупных. Особенно многочисленны фрагменты ярко-синей краски, которая, несомненно, доминировала в цветовой гамме помещения III, что позволило назвать его «Синим залом».

На сегодняшнем уровне наших знаний можно считать, что ЗЗК возник одновременно с Большим Кырк-Кызом вряд ли ранее рубежа IV–III вв. до н.э., когда Хорезм уже примерно сто лет являлся независимым государством. Период функционирования комплекса не выходит за рамки древнехорезмийского периода, хотя само городище существовало ещё несколько веков и было окончательно заброшено только в VIII в. н.э. В целом, планировочная схема ЗЗК, а также имеющиеся архитектурные аналогии позволяют с уверенностью говорить о дворцово-храмовом характере всего памятника.

Ключевые слова: Древний Хорезм, Большой Кырк-Кыз, Западный загородный комплекс, настенные росписи.

Для цитирования: Балахванцев А.С., Двуреченская Т.О. Раскопки Западного загородного комплекса Большого Кырк-Кыза в 2021 году. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 36–45. DOI: 10.31857/S086919080018420-9

EXCAVATION OF THE WESTERN SUBURBAN COMPLEX
OF BOL'SHOY K'IRK-K'IZ IN 2021

© 2022

Archil S. BALAKHVANTSEV ^a, Taisia O. DVURECHENSKAYA ^b^{a, b} – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^a – ORCID: 0000-0002-3028-0109; balakhvantsev@gmail.com

Scopus Author ID: 35752863100; ID WoS: AAS-5863-2021

^b – ORCID: 0000-0002-7757-9589; tasydvur@mail.ru

Abstract: During excavations in 2021 at the Western Suburban Complex (WSC) of the Bol'shoi K'irk-K'iz, room I and the northern courtyard were investigated. In room II, the later interior extensions in its western and southern parts were dismantled. After it became clear that the width of room II was originally 4 m. At the first stage of functioning, the walls were covered with clay plaster with whitewash. The few pottery fragments that were found in room II date back to the 4th–2nd centuries. BC, possibly 1st c. BC.

In 2021, the study of the new room III began. The original excavation was extended to the south by 8.4 m. At an elevations of -207 and -202 from the benchmark, the floor was opened in the form of a pavement of mud bricks (40×40×12; 42×42×12; 39×42×11–12 cm). In rooms II and III, a large number of fragments of plaster with traces of polychrome painting were found. Particularly numerous are fragments of bright blue paint, which undoubtedly dominated the color scheme of room III, which made it possible to call it the “Blue Hall”.

The WSC arose simultaneously with the Bol'shoi K'irk-K'iz no later than the turn of the 4th–3rd centuries. BC. The period of functioning of the complex does not go beyond the ancient Chorasmian period. In general, the planning scheme of the WSC, as well as the existing architectural analogies, allows us to speak with confidence about the palace-temple character of the entire monument.

Keywords: Ancient Chorasmia, Bol'shoi K'irk-K'iz, Western Suburban Complex, Wall Paintings.

For citation: Balakhvantsev A.S., Dvurechenskaya T.O. Excavation of the Western Suburban Complex of Bol'shoi K'irk-K'iz in 2021. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 36–45. DOI: 10.31857/S086919080018420-9

В 2018 г., выбирая места для закладки будущих раскопов на Большом Кырк-Кызе, организаторы экспедиции – Е.П. Китов, С.Б. Болелов и пишущий эти строки – обратили внимание на расположенный у левого обреза аэрофотоснимка монументальный объект, северная стена которого находилась на одной линии с северной стеной городища [Китов и др., 2019, рис. 7]. Поэтому уже тогда было решено заложить один раскоп на скрывающем остатки здания холме, расположенном в 187 м к западу от крепости. Начатые в мае 2019 г. раскопки Западного загородного комплекса (ЗЗК)¹ позволили частично исследовать два помещения монументального комплекса, а также обнаружить следы присутствия здесь полихромной живописи и антропоморфной скульптуры из необожжённой глины [Китов и др., 2019, с. 65–68].

Только в 2021 г., после двухгодичного перерыва, вызванного ситуацией с коронавирусом, мы смогли вернуться на Большой Кырк-Кыз и продолжить раскопки ЗЗК. Ещё в

¹ Начальник раскопа – А.С. Балахванцев.

первый сезон в северной части раскопа была открыта западная часть коридорообразного помещения I шириною 2 м (рис. 1)², кладка южной стены которого была комбинированной. Верхние два – три ряда кирпичей были положены на слой пахсы серого цвета, под которым находился ряд кирпичей, лежащих на песчаной подсыпке толщиной не более 10 см. Ниже располагался еще один ряд кирпичей, немного выступающий за вертикальную линию стены наружу. На основании этого факта было высказано предположение, что нижние ряды открытых на этом участке раскопа кирпичей являются верхней частью кладки субструкционной клетки цоколя здания [Китов и др., 2019, с. 67]. С целью его проверки в восточной части помещения I был заложен шурф размерами 2×2 м. Нам удалось углубиться на 50 см в слой очень плотной пахсы серо-желтого цвета. Работы были доведены до отметок -291 – -292 от реперной точки, но шурф так и не достиг материка. Поэтому вопрос – была ли забутована пахсой вся субструкционная клетка – всё ещё ждёт своего решения.

Демонтаж части центральной бровки, «отделявшей» помещение I от находившегося к востоку от него двора³, позволил с уверенностью утверждать, что вымостка шириной в один-полтора кирпича шла только вдоль южной стены двора и заканчивалась у начала прохода, ведущего в помещение I [ср. Китов и др., 2019, с. 67]. Скорее всего, это объясняется тем, что вымостка предназначалась для защиты основания внешней стены от размыва со стороны открытого двора и была абсолютно излишней в помещении I, где, несомненно, имела крыша. В ходе расчистки двора от заполнявшего его грунта западная бровка раскопа была сдвинута от 1 до 2 м на восток.

В 2021 г. продолжались работы в помещении II, которое сообщалось с двором проходом в северной стене шириной 1,1–1,2 м. Были разобраны участок центральной бровки, а также более поздние внутренние пристройки в западной и южной частях помещения, сложенные из сырцового кирпича размером 40×40×12 и 42×42×12 см. Вопрос о том, для чего предназначались конструкции, примыкающие с внутренней стороны к южной, западной и северной стенам помещения II, вызвал оживлённые дискуссии среди участников экспедиции. Некоторые из них полагают, что пристройки вдоль северной стены являются суфами, что нашло отражение и на плане (рис. 1).

При оценке этого предположения необходимо принять во внимание, что на т.н. «суфах» нигде не была зафиксирована глиняная обмазка. Если же учесть, что первоначальная толщина северной стены помещения II не превышала 1 м, а в его западной части были обнаружены фрагменты штукатурки с полихромной живописью, упавшие сверху⁴, скорее всего, со второго этажа, то более оправданным кажется понимание пристроек в качестве конструкций, призванных укрепить обветшавшую стену [ср. Рапопорт, 1984, с. 151].

После снятия поздних пристроек стало ясно, что ширина помещения II первоначально составляла 4 м, а в его западной части существовала ниша глубиной 1,6 м и шириной 3,1 м. На первом этапе функционирования стены были покрыты глиняной обмазкой с побелкой. Под удалёнными кирпичными кладками шёл слой чистого желтого песка, а ниже на отметках -198 – -205 от реперной точки были выявлены новые участки первоначального пола, выложенного сырцовыми кирпичами такого же (40×40×12; 42×42×12; 39×42×11–12 см) или половинного размера от тех, которые использовались при сооружении стен. В самом Хорезме такой пол встречается крайне редко, лишь в помещении 9 центрального здания

² Присутствующая в первоначальной публикации цифра 1 м [Китов и др., 2019, с. 67] является досадной опечаткой.

³ Вопрос о том, почему этот участок следует считать не входным айваном [Китов и др., 2019, с. 65, 67], а двором, будет рассмотрен ниже.

⁴ То, что фрагменты окрашенной штукатурки попали в помещение II сверху, было понятно уже в ходе работ первого сезона [Китов и др., 2019, с. 67].

на Большой Айбуйир-кале [Мамбетуллаев, Ходжайов, 2010, с. 426]. В зале 12 дворца на городище Калалы-гыр 1 также имелась однослойная вымостка из сырцовых кирпичей, но сверху она была покрыта глиняной обмазкой [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 146]⁵. Значительно чаще вымостка пола сырцовыми кирпичами встречается в ахеменидской архитектуре, например, во дворце Дария I в Сузах [Perrot et al., 1971, fig. 28]. Присутствует она и в пропилеях храма Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане [Литвинский, Пичикян, 2000, табл. 16].

В 2019 г. на уровне первоначального пола в помещении II было выявлено двенадцать столбовых ямок, вырубленных непосредственно в кирпичной кладке. В ходе разбора поздних пристроек в 2021 г. были также обнаружены новые столбовые ямки. Уже работы первого сезона показали, что какой-либо системы в расположении ямок в пределах помещения II не прослеживается [Китов и др., 2019, с. 66]. Особый интерес представляют два тесно связанных между собой вопроса: функциональное назначение и время сооружения ямок. При их решении необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

В архитектуре Хорезма античной эпохи помещения шириной 4 м и менее перекрывались балками, перекинутыми со стены на стену, без использования промежуточных опор [Лапиров-Скобло, 1984, с. 46]. О том, что плоские перекрытия такого размера не нуждались в промежуточных подпорках, свидетельствует и величина пролёта между центральными колоннами в зале 12 дворца на Калалы-гыр 1 – 4,1 м [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 146]. В помещении II-18 Загородного комплекса Топрак-калы расстояние от западной стены до колонной базы составляло почти 5 м [Рапопорт, 1993, с. 172, рис. 2]. Когда же ширина помещения с плоским перекрытием требовала установки промежуточных опор, то деревянные колонны располагались не вдоль стен, а по продольной оси зала [Лапиров-Скобло, 1984, с. 46]. Примерами, кроме уже упоминавшегося зала 12 Калалы-гыр 1 [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 146, рис. 2], могут служить помещения 5, 6, 26 (Зал воинов), 29 (Зал побед) Высокого дворца Топрак-калы, ширина которых варьирует от 6,2 до 11 м [Рапопорт, 1984, с. 57, 59, 101, 110, рис. 6].

Всё это вместе взятое позволяет предположить, что в первоначальном плане строительства столбы и ямки под них в помещении II не предусматривались⁶. Они появились позднее в связи с возникновением острой необходимости подпереть оседающее перекрытие⁷, причём сооружались на протяжении довольно длительного времени. Самыми ранними были ямки, опущенные с уровня первоначального пола. Часть из них была позднее закрыта внутренними пристройками. Самыми поздними являются ямки, вырубленные в толще поздних пристроек и не опускающиеся ниже уровня первоначального пола⁸. Также о одновременности сооружения столбовых ямок свидетельствует, на наш взгляд, как их довольно беспорядочная локализация, так и то, что они имеют разную глубину и диаметр (от 20 до 35 см).

После разбора поздних пристроек под основанием западной части южной стены помещения II, а также в западной стенке последнего, поверх слоя чистого желтого песка была выявлена прослойка красной порошкообразной глиняной крошки. Линзы красной глиняной крошки в западной части помещения II отмечались и в 2019 г. [Китов и др., 2019, с. 66]. Проведенный анализ показал, что глиняная крошка по составу является алюмосиликат-

⁵ Аналогичная картина, по-видимому, наблюдается и в плохо сохранившемся здании на Аяз-кале 3 [Болелов, 1998, с. 119, 123].

⁶ Возможным исключением являются открытые в 2019 г. ямки с глиняной обмазкой [Китов и др., 2019, с. 65–66]. О них см. ниже.

⁷ Остатки этого перекрытия дошли до нас в виде комков глины со следами истлевших стеблей камыша.

⁸ Такова столбовая ямка у отметки -158 от реперной точки в северо-западной части помещения II (рис. 1).

ной, а красный цвет вызван не горением, как мы сначала думали, а присутствием оксидов железа⁹.

Находок в помещении II было сделано совсем немного¹⁰, но они особенно важны тем, что позволяют датировать время функционирования ЗЗК. Найденные керамические фрагменты принадлежат не менее чем трём сосудам, относящимся к группе тарной хозяйственной посуды закрытых форм – хумы, хумчи, кувшины. Сначала при разборе поздней конструкции в западной части помещения II над слоем красной порошкообразной глиняной крошки были обнаружены два соединяющихся вместе фрагмента красноангобированного кувшина с валиком, которым подчеркнут переход от горловины к плечикам сосуда (рис. 2, 1)¹¹, а также два фрагмента венчика хума, расписанного красной краской (рис. 2, 2). Несколько ниже, в слое желтого песка находились фрагменты верхней части тулова кувшина с венчиком, сохранившемся более чем наполовину (рис. 2, 3).

Все сосуды были изготовлены на гончарном круге и сформированы из хорошо промытой глины с примесью гипса. Крупных примесей дресвы или шамота не наблюдается. Черепок в изломе светло-бежевого цвета. Представленные фрагменты иллюстрируют богатство декора – покрытие красным ангобом, роспись ангобной краской, высветление, наличие валика. Особенное значение имеет роспись красной ангобной краской, встречающаяся на четырёх из десяти фрагментах. Среди них имеется выплеск краски на венчик хума, а также, по всей видимости, фрагмент большой «спирали», нанесённой широкой кистью на тулово сосуда. Точное определение характера узора невозможно, так как керамика сильно фрагментирована. Однако наличие подобной росписи является датирующим признаком, относящим керамический материал к древнехорезмийскому комплексу IV–II вв. до н.э. [Воробьева, 1959, с. 140; Болелов, 2004, с. 95].

К профильным фрагментам относится венчик хума (рис. 2, 2). Это – сосуд биконической формы со слабо выраженной шейкой и покатыми плечиками; венчик массивный, утолщенный, относящийся к виду А [Болелов, 2004, с. 108, рис. 3/7]. Хум расписан выплеском красной ангобной краски на венчик. Второй профилированный фрагмент (рис. 2, 3) относится к кувшиновидным сосудам без ручки [Болелов, 2004, с. 108–109, рис. 3/8]. Диаметр венчика составляет ок. 16 см. Сосуд не расписан.

Подобные формы сосудов – с характерной росписью и качеством теста – встречались в Хазараспе [Воробьева и др., 1963, рис. 13, 3, 34, 39], нижних слоях Кой-Крылган-калы [Воробьева, 1967, табл. I, 1–5, II, 9, 38], Елхарасе [Коляков, 1991, рис. 43, 8], на Калалыгыр 2 [Болелов, 2004, с. 108, рис. 3/7, 3/23, 3/24, 7, 8]. По немногочисленным фрагментам керамики, которые были найдены в помещении II, а также по подъемному материалу, собранному на поверхности, памятник можно предварительно датировать в пределах IV–II вв. до н.э., не исключая при этом и некоторого омоложения до I в. до н.э.

Ещё до начала раскопок в современном рельефе в центре ЗЗК чётко выделялось большое прямоугольное помещение, которое С.Б. Болелов считал двором, а А.С. Балахванцев – залом [Китов и др., 2019, с. 68]. Исследование нового помещения III началось только в 2021 г. Первоначальный раскоп был расширен на юг на 8,4 м (рис. 1). Сначала был обнаружен заложенный сплошной сырцовый кладкой проход, идущий из помещения II. На этом участке также находились две столбовые ямки. Южнее, на отметках -207 и -202 от реперной точки был открыт пол в виде вымостки из сырцовых кирпичей таких же размеров, как в

⁹ Анализ выполнен в лаборатории физико-химических исследований ФГБНИУ «ГОСНИИР» (г. Москва) Р.В. Лобзовой.

¹⁰ Напомним, что в ходе раскопок 2019 г. культурного слоя, связанного с периодом обживания памятника, на уровне первоначального пола выявлено не было [Китов и др., 2019, с. 67].

¹¹ Рисунки 2 и 3 находятся на цветной вклейке.

помещении II. Наличие пола убедительно свидетельствует, что в центре ЗЗК находился именно крытый зал. На полу были открыты две столбовые ямки, причём ямка возле отметки -202 от реперной точки имела глиняную обмазку. Важно отметить, что вновь открытые четыре столбовые ямки помещения III (рис. 1) располагались практически на одной линии с двумя имевшими глиняную обмазку ямками помещения II [Китов и др., 2019, с. 65–66, рис. 13]. Интерколумний варьирует от 2,12 м до 2,52 м.

В юго-западном секторе раскопа на отметке -187 от реперной точки была обнаружена верхняя часть монументальной конструкции, сложенной из больших (42×42 см) сырцовых кирпичей. Она уходит за южную границу раскопа, а её восточная вертикальная грань читается в западной стенке бровки. Можно предположить, что конструкция представляет собой в плане квадрат, каждая сторона которого состоит из пяти кирпичей.

В результате работ в помещениях II и III было обнаружено большое количество фрагментов штукатурки со следами полихромной живописи, из них несколько крупных (рис. 1). Остановимся на одном фрагменте, обнаруженном в северо-западной части помещения II (рис. 3). Декоративная композиция включает в себя ярко-синюю и зелёную сферы, гирлянду, состоящую из двух звеньев перлов (бусин) и расположенной между ними продолговатой подвески с двумя вертикальными полосками. Выше гирлянды сохранилась полоса в виде чёрной ромбической сетки, ограниченной красными линиями [ср. Рапопорт, 1984, с. 102]. В целом стенные росписи выполнены с использованием белой, красной, синей, чёрной и зелёной краски. Особенно многочисленны фрагменты ярко-синей краски, которая, несомненно, доминировала в цветовой гамме помещения III, что позволило назвать его Синим залом.

Исследование синего слоя методом поляризационной микроскопии показало, что в его состав входит натуральный ультрамарин (минерал лазурит) с большим количеством пустой породы. Это говорит о том, что пигмент был плохо очищен. Подготовительный белый слой был проанализирован методом ИК-микроспектроскопии, который позволил идентифицировать его как двуводный гипс ($\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$)¹².

Полихромная живопись довольно часто присутствует на древнехорезмийских памятниках¹³, однако ярко-синяя краска использовалась при этом весьма редко. Так, её нет в Калалы-гыр 2 [Ковалева, 2013, с. 68–69], Елхарасе [Соколовский, 1991, с. 270–273; Левина, 2001, с. 17–18, 53], Кой-Крылган-кале [Рапопорт, 1967, с. 214; Kidd et al., 2004 [2008], p. 77] и даже в столичном городе Акшахан-кале [Kidd et al., 2004 [2008], p. 80; Betts et al., 2017, p. 124; Bonnat, 2019, p. 83, fig. 5]. На стенах парадного зала в Гяур-кале встречается только тёмно-голубая краска [Рапопорт, Трудновская, 1958, с. 359]. Лишь в таком выдающемся во всех отношениях памятнике как Высокий дворец Топрак-калы ярко-синяя краска применялась, хотя и редко [Рапопорт, 1984, с. 146]. Поэтому обильное использование ярко-синей краски в росписях помещения III явно свидетельствует о неординарном характере всего комплекса.

Работы на памятнике ведутся только два года, но уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Ещё в 2019 г. было высказано мнение, что помещение III является центральной доминантой всего комплекса [Китов и др., 2019, с. 68]. Эта точка зрения и сегодня кажется совершенно справедливой, и не только из-за размеров Синего зала – самого большого помещения ЗЗК, но и потому, что оно лежит на центральной оси сооружения. Поэтому представляется более вероятным, что айваном следует считать не северный двор, не имевший непосредственной связи с Синим залом, а помещение, соприкасающееся с

¹² Анализ выполнен в лаборатории физико-химических исследований ФГБНИУ «ГОСНИИР» (г. Москва) И.Ф. Кадиковой.

¹³ К сожалению, о древнейших в Хорезме росписях из дворцового сооружения в Калалы-гыр 1 [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 147, прим. 32] известен лишь сам факт их существования.

последним на западе [Китов и др., 2019, рис. 12]. Тогда появившиеся после снятия верхнего надувного слоя и зачистки на отметке -208 от реперной точки сырцовые кирпичи, примыкающие с внешней стороны к западной стене 33К, могут быть частью вымостки теменоса.

Ещё одной архитектурной особенностью плана Западного загородного комплекса выступает коридор, пересекающий памятник с севера на юг и делящий его на две неравные части [Китов и др., 2019, с. 68]. Такой коридор, отделявший парадную часть здания от жилых помещений, является характерной чертой ахеменидской архитектуры. Он встречается во дворцах Дария I [Potts, 1999, fig. 9.5] и Артаксеркса II [Perrot et al., 1971, fig. 17] в Сузах, а также в находящемся в северо-западном Азербайджане дворце в Караджамирли [Babayev et al., 2016 [2019], S. 156, Abb. 19].

Итак, что же мы можем сказать о Западном загородном комплексе на сегодняшнем уровне наших знаний? 33К возник одновременно с Большим Кырк-Кызом не ранее рубежа IV–III вв. до н.э.¹⁴, когда Хорезм уже примерно сто лет являлся независимым государством [Балахванцев, 2017, с. 130]. Период функционирования комплекса не выходит за рамки древнехорезмийского периода, хотя само городище существовало ещё несколько веков и было окончательно заброшено только в VIII в. н.э. [Болелов и др., 2022, с. 32]. В целом, планировочная схема 33К, а также имеющиеся архитектурные аналогии позволяют с уверенностью говорить о дворцово-храмовом характере всего памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Балахванцев А.С. *Политическая история ранней Парфии*. М.: ИВ РАН, 2017 [Balakhvantsev A.S. *Political History of Early Parthia*. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Болелов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме. *Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Ред. Е.Е. Неразик. М.: «Восточная литература», 1998. С. 116–135 [Bolelov S.B. Fortress Ayaz-Kala 3 in the Right-Bank Chorasmia. *Aral Region in Antiquity and the Middle Ages. To the 60th Anniversary of the Chorasmian Archaeological and Ethnographic Expedition*. Ed. E.E. Nerazik. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1998. Pp. 116–135 (in Russian)].

Болелов С.Б. Керамика. *Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э.* М.: «Восточная литература», 2004. С. 93–147 [Bolelov S.B. Ceramics. *Kalaly-Gyr 2: A Cult Center in Ancient Chorasmia in the 4th–2nd Centuries BC*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. Pp. 93–147 (in Russian)].

Болелов С.Б., Ягодин В.Н., Болганова М.С. Археологические исследования на городище Большой Кырк-Кыз в Правобережном Хорезме в 2021 году. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 23–35 [Bolelov S.B., Yagodin V.N., Bolganova M.S. Archaeological Research on the Settlement of Bol'shoi K'irk-K'iz in the Right-Bank Chorasmia in 2021. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 23–35 (in Russian)].

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. *Керамика Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. IV. М.: Наука, 1959. С. 63–220 [Vorobieva M.G. Pottery of Chorasmia of the Ancient Period. *Pottery of Chorasmia. Proceedings of the Chorasmian Expedition*. Vol. IV. Moscow: Nauka, 1959. Pp. 63–220 (in Russian)].

Воробьева М.Г. Керамика. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. V. М.: Наука, 1967. С. 102–131 [Vorobieva M.G. Ceramics. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia of the 4th Century BC – 4th Century AD. Proceedings of the Chorasmian Expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 102–131 (in Russian)].

¹⁴ Наличие у Большого Кырк-Кыза протейхизмы (внешней стены), являющейся характерной чертой греческой фортификации и не известной в Хорезме в VI–V вв. до н.э., свидетельствует о том, что в сооружении крепости могли участвовать селевкидские инженеры.

Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. *Материалы Хорезмской экспедиции*. Вып. 6. М.: Наука, 1963. С. 157–200 [Vorobieva M.G., Lapirov-Skoblo M.S., Nerazik E.E. Archaeological Work in Khazarasp in 1958–1960. *Materials of the Chorasman Expedition*. Issue 6. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 157–200 (in Russian)].

Китов Е.П., Болелов С.Б., Балахванцев А.С. Возвращение в Древний Хорезм: исследования совместной российско-каракалпакской экспедиции на Устюрте и Большом Кырк-Кызе. *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 52–70 [Kitov E.P., Bolelov S.B., Balakhvantsev A.S. The Return to Ancient Chorasmia: Explorations of the Joint Karakalpak-Russian Complex Archaeological Expedition on the Ustyurt Plateau and at Bol'shoi K'irk-K'iz. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 6. Pp. 52–70 (in Russian)].

Ковалева Н.А. Работы реставраторов отдела монументальной живописи ВЦНИЛКР-ВНИИР в Хорезме. Исследования, консервация и реставрация фрагментов монументального декора. *Приаралье на перекрестке культур*. Ред. В.Н. Ягодин. Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 59–72 [Kovaleva N.A. Works of Restorers of the Department of Monumental Painting of VTsNILKR-VNIIR in Chorasmia. Research, Conservation and Restoration of Fragments of Monumental Decor. *Aral Region at the Crossroads of Cultures*. Ed. V.N. Yagodin. Samarkand: IICAS, 2013. Pp. 59–72 (in Russian)].

Коляков С.М. Керамика. *Древности Южного Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. XVI. М.: Наука, 1991. С. 123–140 [Kolyakov S.M. Ceramics. *Antiquities of South Chorasmia. Proceedings of the Chorasman Expedition*. Vol. XVI. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 123–140 (in Russian)].

Лапиров-Скобло М.С. Строительная техника и архитектурные конструкции. *Топрак-кала. Дворец. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. XIV. М.: Наука, 1984. С. 21–52 [Lapirov-Skoblo M.S. Construction Equipment and Architectural Structures. *Toprak-kala. Palace. Proceedings of the Chorasman Expedition*. Vol. XIV. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 21–52 (in Russian)].

Левина Л.М. Древнехорезмийский памятник – Елхарас. М.: ИЭА РАН, 2001 [Levina L.M. *Ancient Chorasmian Monument Elharas*. Moscow: IEA RAS, 2001 (in Russian)].

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.: «Восточная литература», 2000 [Litvinskiy B.A., Pichikian I.R. *Hellenistic Temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan), Vol. 1. Excavations. Architecture. Religious Life*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000 (in Russian)].

Мамбетуллаев М.М., Ходжайов Т.К. Исследования храмового комплекса Большая Айбуйир-кала. *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: ТАУС, 2010. С. 423–430 [Mambetullaev M.M., Khodjayov T.K. Exploration of the Temple Complex Big Aybuyir-kala. *Archaeology and Palaeoanthropology of the Eurasian Steppes and Neighbouring Regions*. Eds. M.M. Gerasimov, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova. Moscow: TAUS, 2010. Pp. 423–430 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А. Фрагменты стеной росписи. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. V. М.: Наука, 1967. С. 214–215 [Rapoport Yu.A. Fragments of Wall Painting. *Koy-Krylgan-Kala: A Cultural Monument of Ancient Chorasmia of the 4th Century BC – 4th Century AD. Proceedings of the Chorasman Expedition*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 214–215 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А. Центральный массив. *Топрак-кала. Дворец. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. XIV. М.: Наука, 1984. С. 53–194 [Rapoport Yu.A. The Central Array. *Toprak-kala. Palace. Proceedings of the Chorasman Expedition*. Vol. XIV. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 53–194 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы. *Вестник древней истории*. 1993. № 4. С. 161–186 [Rapoport Yu.A. Out-of-town Palaces and Temples of Toprak-kala. *Journal of Ancient History*. 1993. No. 4. Pp. 161–186 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. *Материалы Хорезмской экспедиции*. Вып. 6. М.: Наука, 1963. С. 141–156 [Rapoport Yu.A.,

Lapirov-Skoblo M.S. Excavations of the Palace Building at the Settlement Kalaly-gyr 1 in 1958. *Materials of the Chorasmian Expedition*. Issue 6. Moscow: Nauka, 1963. Pp. 141–156 (in Russian)].

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Городище Гяур-кала. *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. II. М.: изд-во АН СССР, 1958. С. 347–366 [Rapoport Yu.A., Trudnovskaya S.A. Settlement of Gyaour-kala. *Archaeological and Ethnographic Works of the Chorasmian Expedition 1949–1953. Proceedings of the Chorasmian Expedition*. Vol. II. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958. Pp. 347–366 (in Russian)].

Соколовский В.М. Росписи и скульптура Елхараса. *Древности Южного Хорезма. Труды Хорезмской экспедиции*. Т. XVI. М.: Наука, 1991. С. 270–276 [Sokolovsky V.M. Paintings and Sculptures of Elkharas. *Antiquities of South Chorasmia. Proceedings of the Chorasmian Expedition*. Vol. XVI. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 270–276 (in Russian)].

Babayev I., Knauss F., Ališov N., Balakhvantsev A., Gagošidze I., Güttte M., Gutschke F., Laliašvili Š. Die achaimenidische Residenz bei Karacamirli. Ausgrabungen auf dem Gurban Tepe, auf dem Rizvan Tepe und bei Dara Yatax. Vorbericht über die 5., 6. und 7. Kampagne 2010, 2011, 2013. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2016 [2019]. Bd. 48. S. 143–187.

Betts A., Yagodin V.N., Grenet F., Kidd F., Minardi M., Bonnat M., Khashimov S. The Akchakhan-kala Wall Paintings: New Perspectives on Kingship and Religion in Ancient Chorasmia. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2017. Vol. 7. Pp. 121–162.

Bonnat M. Reconstituting the Colossal Avestan Gods from Akchakhan-kala, Ancient Chorasmia: the Contribution of the Painting Conservators. *История и археология Приаралья [History and Archaeology of the Aral Sea region]*. 2019. № 1. Pp. 71–86.

Kidd F., Negus Cleary M., Yagodin V.N., Betts A., Baker Brite E. Ancient Chorasmian Mural Art. *Bulletin of the Asia Institute*. 2004 [2008]. Vol. 18. Pp. 69–95.

Perrot J., Le Brun A., Labrousse A. Recherches archéologiques à Suse et en Susiane en 1969 et en 1970. *Syria*. 1971. T. 48(1–2). Pp. 21–51.

Potts D.T. *The Archaeology of Elam: Formation and Transformation of an Ancient Iranian State*. Cambridge: University Press, 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Archil S. BALAKHVANTSEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ДВУРЕЧЕНСКАЯ Таисия Олеговна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Taisia O. DVURECHENSKAYA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

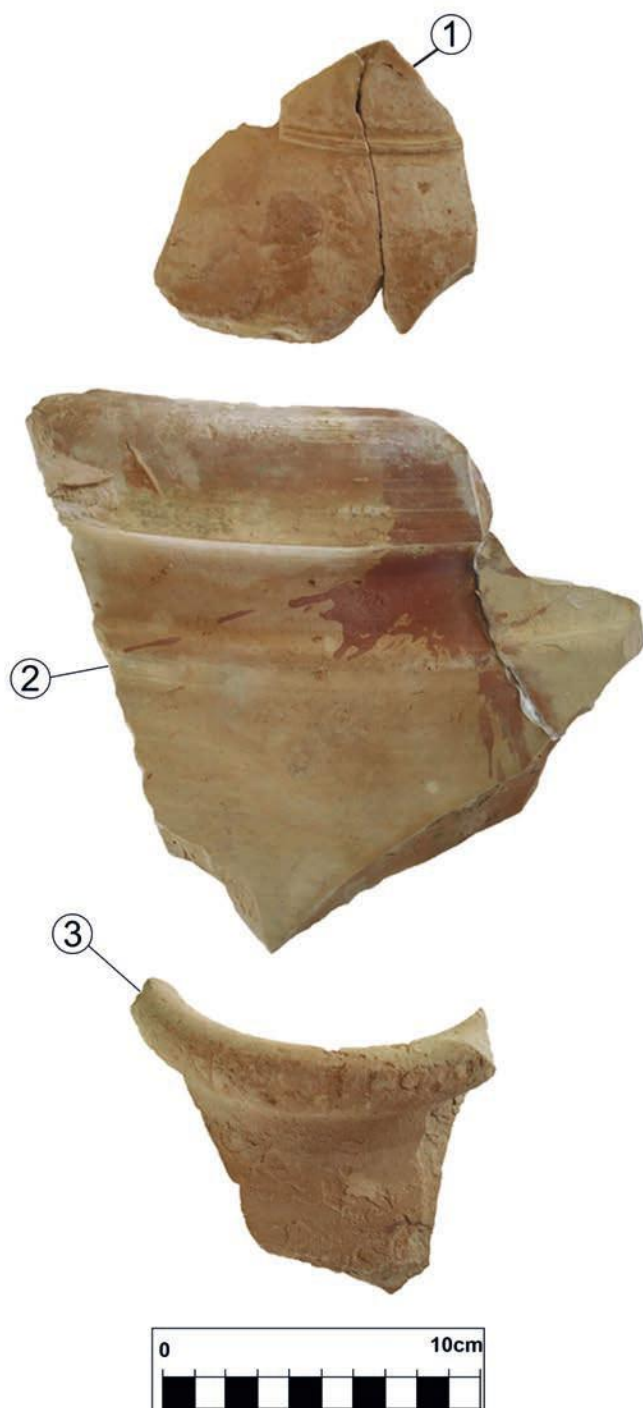

Рис. 2. Керамика из помещения II.

Fig. 2. Ceramics from room II.

Рис. 3. Фрагмент живописи из помещения II.

Fig. 3. Fragment of painting from room II.